

DOI: 10.33184/dokbsu-2022.6.10

Интерпретация «текстовых аномалий» в геральдической конструкции интертекстуальности

Е. А. Морозкина, Э. В. Исхакова*

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

*Email: ishakova.eli@yandex.ru

В статье исследуется понятие текстовой аномалии в рамках интертекстуальной геральдической конструкции. Проанализированы аномальные фрагменты с орнитонимом «попугай» в оригинале художественного текста Дж. Барнса «Попугай Флобера» (1984) и его перевода, выполненного А. Борисенко и В. Сонькиным (2017). Анализ текстовых аномалий с орнитонимом «попугай», входящих в интертекстуальную геральдическую конструкцию, представляется крайне важным с точки зрения их интерпретации и выявления заложенных в них имплицитных смыслов. В оригинале и русскоязычном переводе художественного текста обнаруживаются и исследуются такие приемы, как редупликация, рекурсия, внеположенность. Предпринимается попытка доказать необходимость учета интертекстуальных вставок при интерпретации текстовых аномалий.

Ключевые слова: аномальный фрагмент, перевод, геральдическая конструкция, художественный дискурс.

Постмодернистский художественный дискурс, представляющий собой совокупность фрагментов текстов, выраженных вербальными средствами, с учетом взаимодействия автора и реципиента, представляет «большую сложность для переводчика» [4]. Такой дискурс содержит сложные для восприятия «текстовые аномалии», требующие от переводчика навыков декодирования, с целью соотнести такие фрагменты в «смысловом отношении» [5] с целым текстом. Зачастую аномальные фрагменты текста приходится переводить с опорой на интертекстуальные вставки, содержащиеся в интертекстуальной геральдической конструкции художественного дискурса. В качестве примера можно выбрать постмодернистский текст Дж. Барнса «Попугай Флобера», созданный им в 1984 г. и переведенный на русский язык в 2017 г. переводчиками А. Борисенко и В. Сонькиным. Выполненный этими специалистами перевод можно считать удачным, если не учитывать того факта, что переводчики не обратили внимание на текстовые аномалии, требующие, полагаем, переводческого комментария с целью расшифровки, заложенных в них смыслов. Необходимость решения в рамках переводоведения про-

блемы интерпретации текстовых аномалий определяет актуальность темы статьи. Научная новизна настоящего исследования обусловлена попыткой моделирования способов перевода аномальных фрагментов художественных текстов Дж. Барнса с опорой на так называемую геральдическую конструкцию интертекстуальности.

В постмодернистских текстах одним из главных понятий выступает интертекстуальность. В научный обиход термин был введен Ю. Кристевой в 1967 г. и предполагал наличие такого свойства текстов, как взаимное «пересечение и взаимодействие» [3]. Художественные тексты, как правило, не могут существовать отдельно сами по себе, а содержат фрагменты, ретранслированные из других текстов, а также цитаты, аллюзии, реминисценции, представляющие собой использование в общей структуре текста отдельных элементов, мотивов ранее известных текстов на подобную тему. Как справедливо полагали Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. М. Лотман, в художественном дискурсе можно увидеть следы многих, соотносящихся друг с другом, текстов.

По мнению М. Б. Ямпольского, текстовые аномалии являются составной частью интертекстуальной геральдической конструкции, связанной с выражением “*mise an abyme*”, которое переводится с французского языка как «помещение в пропасть/бездну». «*Mise an abyme*» представляет собой, по мнению Андре Жида, особую повествовательную технику, в ходе которой геральдическая эмблема текста, либо уменьшенная ее копия, редуцируется в художественном дискурсе. В отечественной науке геральдическая конструкция художественного текста связана с понятием редукации или повторения некоего геральдического символа в текстовой структуре. Геральдическая конструкция, как правило, включает в себя сложные для понимания фрагменты текста, которые, вслед за М. Б. Ямпольским, можно назвать «текстовой аномалией», способной изменять структуру художественного дискурса и нарушать вектор повествования. Текстовая аномалия может строиться с учетом приема аналогии или, напротив, по принципу противопоставления, и содержит в себе определенную многозначность, что, естественно, представляет сложность для переводческой интерпретации. В труде «Память Тиресия» (1993) М. Б. Ямпольский вводит такое понятие, как «место альтернативы», имея в виду возможность реципиента, встретив текстовую аномалию, либо продолжить чтение текста, не пытаясь разгадать смысл аномального фрагмента, либо попытаться этот фрагмент декодировать, воспринимая его как важную часть синтагматики текста. С этой целью предлагается обратиться к интертекстуальным источникам с тем, чтобы определить те смыслы, которые заключены в аномальном фрагменте текста, то есть искать объяснение фрагмента текста вне этого текста, в интертекстуальном пространстве. Благодаря этому реципиент может обрести необходимые коды для того, чтобы объяснить мотивировку включения в текст аномальных фрагментов с целью восстановить нарушенную логику повествования и обогатить смысл художественного дискурса.

Конструкция *mise an abyme*, связанная с проблемой текстовой редупликации, остается малоизученной. Так, Л. Дэлленбах рассматривает три семантических типа текстовой редупликации, а именно, простую, связанную с дублированием фрагментов текста; множественную и афористическую, отражающую структуру текста [6]. К. Мейер-Миннеманн и С. Шликерс выделяют такие виды интертекстуальных геральдических конструкций как «отражение истории», когда особое внимание уделяется теме повествования; «отражение повествования», когда объектом отражения становится стиль и язык; «отражение поэтики», в котором особое внимание уделяется повествовательной технике и стилистическим приемам [7].

Обретение исходных смыслов аномальных фрагментов возможно с опорой на интертекстуальные включения, заимствованные из нескольких претекстов. При этом интертекстуальные включения расширяют смысловую перспективу, наслаивая множество смыслов друг на друга. Геральдическая конструкция интертекстуальности формируется на некой игре с отсылками, референциями, кодами, акцентируя «структурный изоморфизм и мерцающую за всем этим смысловую неопределенность» [11]. Геральдическая конструкция интертекстуальности формируется за счет «удвоения текста», вследствие чего смысл унифицируется и тем самым сужается. Вместе с тем производится коррекция смысла благодаря появлению определенной неоднозначности, а иногда даже инверсии смыслов. В тексте может иметь место растворение унитарного смысла в связи со все усложняющейся текстовой формой. Нарастивание количества смысловых интерпретаций позволяет «преодолеть эффект замораживания смысла» [11]. В настоящем исследовании интертекстуальная геральдическая конструкция воспринимается как многослойное интертекстуальное явление, состоящее из текстовой аномалии и интертекстуальных включений, образующих смысловый ряд. Благодаря привлечению интертекстуальных источников возможно интегрировать аномалию в контекст анализируемого художественного дискурса и тем самым сформировать сложное смысловое пространство за счет привлечения текстов извне и наслаивания смыслов.

Наличие текстовых аномалий характерно для постмодернистских произведений английского писателя Джулиана Барнса. Безусловно, при интерпретации текстовых аномалий необходимо опираться на широкий кругозор, хорошее знание художественных текстов, принадлежащих данному автору с тем, чтобы смоделировать способы их перевода. Для этого необходимо, прежде всего, выявить геральдическую конструкцию внутри текста и определить имплицитные смыслы, содержащиеся в аномальных фрагментах с тем, чтобы далее учесть их в переводе. Геральдическая конструкция становится интертекстуальной в случае, если в ее состав входят смысловые или структурные элементы из других текстов того же писателя или других авторов.

В геральдической конструкции, построенной на основе романа Дж. Барнса «Попугай Флобера», можно выделить ядро и периферию. Семантическое ядро интертекстуаль-

ной геральдической конструкции выражено орнитонимом «попугай» и многократно редуцируется в многочисленных аномальных фрагментах в художественном тексте, смыслы которых необходимо декодировать переводчику.

Лексема «попугай» вводится в первой главе романа фразой: “Then I saw the parrot” [12], в переводе, соответственно: «Потом я увидел попугая» [1] и входит в ряд аномальных фрагментов, которые требуют расшифровки. В основу сюжета положена ситуация с поиском чучела именно того попугая, который послужил прототипом для художественного текста Г. Флобера. Далее вектор сюжета кардинально меняется и попугай, образ которого выполняет роль текстовой аномалии, появляется в главе «Бестиарий». Именно эта глава содержит многочисленные аномальные фрагменты с орнитонимом попугай. А затем в финале парадоксальность сюжета усиливается, когда обнаруживается, что поиски «истинного» попугая были напрасны, поскольку идентифицировать его среди множества чучел попугаев в музее Отель-Дье оказалось невозможным, то есть вектор развития сюжета оказывается ложно направленным.

Подчеркнем, что лексема «попугай» вводится Дж. Барнсом в название художественного текста «Попугай Флобера», что подчеркивает смысловую значимость аномальных фрагментов с этим орнитонимом в рамках художественного дискурса. Важно также, что в название вводится фамилия Флобера, что позволяет ввести в рамки художественного дискурса труды Флобера, его художественные тексты, а также его письма и записные книжки. Все эти элементы художественного дискурса необходимо иметь в виду переводчику при декодировании аномальных фрагментов текста. Ключ к разгадке и интерпретации смысла текстовых аномалий Дж. Барнс поместил в художественном тексте, введя в зону внимания читателя письма Гюстава Флобера. Как показало исследование, декодирование большинства текстовых аномалий связано с личной перепиской Г. Флобера. Именно обратившись к его письмам, можно понять те смыслы, которые имел в виду Дж. Барнс. Причем, чтобы эти смыслы смог уловить реципиент, необходимо создать переводческий комментарий, отсылающий читателя к письмам Флобера. В смысловой ряд интертекстуальной геральдической конструкции художественного текста Барнса «Попугай Флобера» входит, к примеру, следующая текстовая аномалия с орнитонимом попугай: “*When we are children, we all want to live in the country of parrots and candied dates*” [12] / «*Детьми мы все хотим жить в стране попугаев и засахаренных фиников*» [1]. Понять смысл данной текстовой аномалии с помощью контекста не представляется возможным. Только обратившись к отрывку из письма Флобера к Луизе Коле от 11 декабря 1845 г., где встречается аналогичная фраза, которую процитировал Барнс: «*Детьми мы хотели бы жить в краю попугаев и сушеных фиников*» [9], реципиент может понять, что писатель имел в виду некоторые эпизоды из детства известного французского писателя.

Декодирование следующей фразы также возможно при обращении к письму Флобера к Луизе Коле от 12 июня 1852 г.: “*Still, I feel ... that the style I can hear inside my head comes*

roaring out and drowns the cries of parrots and cicadas” [12] / «И все же я чувствую, что ... тот стиль, что звучит у меня в голове, не зарычит, заглушая попугаев и цикад» [1]. Познакомившись с письмом, можно понять, что имел в виду Флобер, а вслед за ним и Дж. Барнс: «И, однако, чувствую, что ... тот стиль, что звучит у меня в голове, и, верю, сумеет покрыть голоса попугаев и стрекоз» [9]. В этом случае переводчики С. Кратова и В. Мильчина, создавшие версию перевода писем Флобера, неправомерно заменили фауноним “*cicadas*” на фауноним «стрекозы», поскольку, как известно, стрекозы не издаются громких звуков.

Обратим внимание на то, что в одном из аномальных фрагментов текста, также включенных в геральдическую конструкцию, Дж. Барнс еще раз упоминает о письмах Флобера с тем, чтобы привлечь к ним внимание реципиента: “*A Xeroxed letter from Flaubert confirmed the fact: the parrot, he wrote, had been on his desk for three weeks, and the sight of it was beginning to irritate him*” [12] / «Изложенные факты подтверждаются ксерокопией письма Флобера: попугай, пишет он, провёл на его столе три недели, и вид птицы уже начал его раздражать» [1]. Как видим, аномалии, связанные с лексемой «попугай», редуцированы в художественный текст Дж. Барнса из писем Флобера почти без изменений: «... кого я вижу перед собой на столе вот уже три недели? Чучело попугая. ... Это зрелище начинает мне даже надоедать» [9].

Недоумение читателя вызывает также следующий аномальный фрагмент, заимствованный Дж. Барнсом из романа Г. Флобера «Саламбо» [8] и входящий в семантический ряд интертекстуальной геральдической конструкции: “...*some of ... have 'sunshades in their hands or parrots on their shoulders...*” [12] / «некоторые ... «шли с зонтами, а на плечах у них были попугаи» [1]. В романе Флобера «Саламбо» можно найти ключ к декодированию данного аномального фрагмента: «Некоторые шли с зонтами, а на плечах у них были попугаи» [10]. Из текста «Саламбо» Барнсом редуцирован и другой аномальный фрагмент, связанный с орнитонимом попугай и входящий в интертекстуальную геральдическую конструкцию: “... *cushions are stuffed with parrot feathers—'for this was a prophetic bird, consecrated to the gods*” [12] / «...с подушками из перьев попугая, потому что это «вещая птица, посвященная богам» [1]. В тексте «Саламбо» находим редупликацию и расшифровку данного аномального фрагмента: «... с подушками из перьев попугая, вещей птицы, посвященной богам» [10].

В процессе исследования был осуществлен количественный анализ использования лексемы “parrot” в оригинале и, соответственно, лексемы «попугай» в русскоязычном переводе, в ходе которого выяснилось, что в английском тексте лексема “parrot” встречается сто двадцать девять раз, тогда как в переводе лексема «попугай» упоминается восемьдесят девять раз. Количественная разница в использовании лексем подтверждает тот факт, что в ряде фрагментов русскоязычного текста лексема “parrot”/«попугай» либо была опущена переводчиками, либо заменена на лексему «птица». Кроме того,

при интерпретации ряда аномальных фрагментов переводчики допустили некоторые неточности, которые удастся выявить в тексте перевода, если принять во внимание интертекстуальные источники, такие как тексты самого Барнса и художественные тексты и письма Г. Флобера. Обращение к интертекстуальным источникам позволяет подтвердить факт использования писателем-постмодернистом множества интертекстуальных вставок и скрытых цитат и, следовательно, раскодировать аномальные фрагменты постмодернистского текста.

В оригинальном тексте при описании орнитонима “parrot” Дж. Барнс использовал такие лексемы, как “intruder” и “impostor”, которые А. Борисенко и В. Сонькин передали, соответственно, одной лексемой «самозванец». Если рассматривать перевод этих лексем с позиции внеположенности в связи с понятиями, «объемы которых исключают друг друга» [2], то можно построить внеположенный лексико-семантический ряд, связанный с идеей осознанного отождествления Барнсом попугая с человеком. Следует создать ряды внеположенных понятий: “impostor-parrot-cocky” / «притворщик-попугай-нахальный». Осуществив перевод лексем “intruder”, “imposter” как внеположенных понятий создадим синонимические ряды из тех лексем, которые подходят для их перевода с учетом контекста. Для лексемы “impostor” переводческий синонимический ряд выглядит как «притворщик, мошенник, обманщик, самозванец». Лексема “intruder”, соответственно, может быть переведена как: “захватчик, посягатель, нарушитель, самозванец». В переводе романа «Попугай Флобера» обе лексемы переведены как «самозванец», в то время как в первом случае по контексту следовало использовать лексему «захватчик», а во втором «притворщик». Обе эти лексемы объединены лексемой “cocky” / «нахальный», опираясь на которую можно осуществить метафорический перенос значения, связанного с человеческими качествами, на птицу.

Отметим, что к интерпретации нескольких аномальных фрагментов с орнитонимом попугай переводчики А. Борисенко и В. Сонькин создали примечания, в которых попытались объяснить их смыслы. К примеру, смысл фразы: «*Аристотель и Плиний отмечают, что в пьяном виде эта птица удивительно сладострастна*» [1] переводчики А. Борисенко и В. Сонькин пытаются раскрыть в переводческом комментарии. Они указали на интертекстуальные источники, в которых содержатся данные высказывания. Это «История животных» Аристотеля и «Естественная история» Плиния. В главе «Птицы» из «Истории животных» отмечается склонность попугая к такому заболеванию, как эпилепсия: «*Ара, возможно, больше, чем какая-либо другая птица, склонна к падучей болезни*» [1]. В работе «Естественная история» замечено, что “*Aristotle and Pliny note that the bird is extremely lecherous when drunk*”, что в комментарии переводчиков переведено: «*[Попугай] во хмелю особенно распутен*». При переводе этого фрагмента текста переводчики использовали трансформацию замены лексемы “lecherous”/ «распутный» на лексему «сладострастный», что позволило смягчить негативное отношение автора оригинала к попугаю. Заметим, что в английском тексте лексема «попугай» об-

ладает, преимущественно, отрицательной коннотацией. Если сравнить лексико-семантические ряды, связанные с лексемой попугай в повести Г. Флобера «Простая душа» [8] и в романе Дж. Барнса «Попугай Флобера», то можно заметить, что этот орнитоним обладает разными типами коннотаций. Причем, описание попугая Г. Флобером содержит положительную коннотацию, тогда как Дж. Барнс описывает попугая как птицу, обладающую, в основном, отрицательными качествами: «... вид ... раздражающий», «...насмешливое отражение в кривом зеркале»; «нахальная птица»; «нахальный и любопытный»; «коварной склонности...». Таким образом, в отличие от Г. Флобера Дж. Барнс относится к орнитониму попугай с немалой долей иронии, а сама лексема содержит целый ряд имплицитных смыслов, расшифровать которые возможно с опорой на интертекстуальные источники. В тех случаях, когда определение интертекстуальных источников затруднено, необходимо создать переводческий комментарий с указанием тех текстов, откуда интертекстуальные включения были заимствованы писателем-постмодернистом.

В постмодернистском тексте Дж. Барнса использован прием рекурсии как одной из языковых универсалий. Понятие рекурсии связано с идеей самоподобия лексем, а в лингвистике определяется способностью языка создавать новые формы и конструкции на базе имеющихся лексем. Так, например, словосочетание “gigantic parrot”/ «гигантский попугай», используя прием рекурсии, можно расширить и усложнить. В этом случае в базовое словосочетание “gigantic parrot”/ «гигантский попугай» добавляется целый ряд лексем «gigantic parrot hovering above head» / «огромный попугай парит над головой». Далее это предложение может быть усложнено «Did he perhaps imagine gigantic parrot hovering above head?» / «Представлял ли он, как вверху парит огромный попугай?». В данном случае прием рекурсии используется для того, чтобы создать самоподобный воображаемый образ огромного попугая, который представлял себе писатель Г. Флобер. При создании такого образа Дж. Барнс вновь опирается на письма французского писателя Г. Флобера.

Как показало исследование, интерпретация аномальных фрагментов постмодернистского текста Дж. Барнса с лексемой “parrot” крайне затруднена и возможна только с опорой на интертекстуальные источники. С этой целью формируется интертекстуальная геральдическая конструкция, ядро которой составляет лексема “parrot”. Декодирование имплицитных смыслов аномальных фрагментов текста возможно с учетом интертекстуальных вставок и приема интертекстуальности. Для поиска интертекстуальных решений задействованы художественные тексты и письма французского писателя Г. Флобера. В постмодернистском тексте Барнса применены такие приемы, как редупликация, рекурсия, внеположенность, которые связаны с лексемой “parrot”. Эти приемы использованы для формирования новых смыслов, которые необходимо раскодировать переводчикам, создав при необходимости переводческий комментарий.

Литература

1. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман / Джулиан Барнс; пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с. – (Большой роман).
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2004. – 544 с.
3. Лагода М. А. Интертекстуальность как аспект интерпретации художественного литературного произведения: к постановке проблемы // Вестник НВГУ. №4/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-aspekt-interpre-tatsii-hudozhestvennogo-literaturnogo-proizvedeniya-k-postanovke-problemy/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-aspekt-interpretatsii-hudozhestvennogo-literaturnogo-proizvedeniya-k-postanovke-problemy/viewer)
4. Морозкина Е. А. Перевод и редупликация лексемы «bear» в текстах Дж. Барнса // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. №1. С. 126–131.
5. Морозкина Е. А., Исхакова Э. В. Комментарий в оригинале и переводе прецедентных текстов // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №2. С. 503–508.
6. Муровьева Л. Е. Mise an abyme: нарративная дистанция // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. №4 (2). С.362–365.
7. Спиридонов Д. В. Типология метанарратива и некоторые вопросы семиотики повествования / Д. В. Спиридонов // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр: Сб. ст. Вып. 1. – Екатеринбург: издательский дом «Ажур». – 2011. – С. 78–83.
8. Флобер Г. Простая душа. Повести. Лексикон прописных истин. М.: Художественная литература, 1989. С. 326–354. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/FLOBER/dusha.txt>
9. Флобер, Г. Письма 1830–1880. Режим доступа: <http://flobert.narod.ru/flaubert/letters.htm>
10. Флобер Г. Саламбо. Киев, Государственное издательство художественной литературы, 1956. 444 с.
11. Ямпольский М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.
12. Barnes J. Flaubert's parrot. London: Jonathan Cape, 1984. – 190p.

Статья рекомендована к печати кафедрой немецкой и французской филологией УУНиТ
(докт. фил. наук, проф. Р. А. Газизов)

Interpretation of “textual anomalies” in the heraldic construction of intertextuality

E. A. Morozkina, E. V. Iskhakova*

Ufa University of Science and Technologies

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

*Email: ishakova.eli@yandex.ru

The authors of the article study the concept of textual anomaly within the framework of the intertextual heraldic construction. The anomalous fragments with the ornithonym “parrot” in the original literary text “Flaubert’s Parrot” (1984) and in its translation made by A. Borisenko and V. Sonkin (2017) are analyzed. The analysis of textual anomalies with the ornithonym “parrot” included in the intertextual heraldic construction seems to be extremely important from the point of view of interpretation and identification of their implicit meanings. Such techniques as reduplication, recursion, outness are studied in the original text and in its translation. An attempt to prove the need to take into account intertextual inserts in the interpretation of textual anomalies is made.

Keywords: anomalous fragment, translation, heraldic construction, literary discourse.